

Глубокая осень в династии Да-Инь всегда приносила с собой холод, пробирающий до самых костей. Этот холод исходил не столько от смены времен года, сколько от мертвенной тишины и равнодушия, царивших среди бесчисленных дворцовых покоев. Высокие багровые стены отрезали путь солнечному свету и дыханию жизни, а под золоченой черепицей в тених рождались бесчисленные тайны и коварные замыслы.

Восточный дворец, который по праву должен был принадлежать наследнику империи и будущему императору, ныне казался забытым уголком в этом роскошном дворцовом комплексе. Залы по-прежнему оставались величественными, убранство — изысканным, но это не могло скрыть запустения и нехватки людского тепла. Слуги, проходя по галереям, затаив дыхание, ступали едва слышно, словно боясь потревожить чей-то покой или привлечь к себе лишнее внимание. На их лицах редко можно было увидеть улыбку, лишь осторожность, граничащую с оцепенением.

Наследный принц Сяо Цзинъянь сидел в одиночестве за письменным столом, кончиками пальцев поглаживая прохладный камень чернильницы. Он был облачен в простое белое домашнее одеяние, черные волосы собраны простой нефритовой шпилькой. Его фигура казалась излишне худощавой, а в чертах лица читалась мягкая, книжная утонченность, совершенно чуждая этому дворцу. Однако за этой мягкостью скрывались невыразимая усталость и едва уловимое напряжение.

Перед ним лежал раскрытый трактат, но страница оставалась неперевернутой уже долгое время. Взгляд принца был устремлен в текст, но мысли витали далеко.

Снаружи донесся нарочито громкий смех, сопровождаемый четким цокотом копыт по каменной дороге. Звук приближался, а затем постепенно затих. Смех был дерзким, полным неприкрытого высокомерия и самодовольства.

Рука Сяо Цзинъяня, державшая кисть, на мгновение замерла. Тяжелая капля чернил беззвучно сорвалась с кончика, оставив на рисовой бумаге черное пятно.

Он узнал этот смех. Это был его второй брат, Сяо Цзинхун, сын наложницы Чжоу. Только ему было позволено так скакать на коне и шуметь вблизи Восточного дворца, ни во что не ставя установленные правила и приличия.

Это было безмолвное унижение, и все — включая самого Сяо Цзинъяня — прекрасно это понимали.

Император старел, с каждым годом все больше погружаясь в поиски эликсиров бессмертия. Он стал небрежен в делах правления и полон подозрений по отношению к своим взрослым сыновьям. Особенно к нему, старшему законному наследнику, который не обладал отцовской решительностью и не имел за спиной могущественного клана, способного стать опорой. В глазах императора он превратился в бельмо на глазу.

Его мать, императрица, скончалась много лет назад, а клан Линь пришел в упадок и утратил

влияние при дворе. Лишившись материнской защиты и поддержки родни, его положение наследника стало подобно свече на ветру — готовой погаснуть в любой миг.

Второй принц Сяо Цзинхун пользовался безграничной любовью императора, а его мать, наложница Чжоу, опиралась на клан, державший в руках часть военной власти. Третий принц, Сяо Цзинчжэ, хоть и не был так обласкан вниманием, имел за спиной группу чиновников-литераторов во главе со старейшиной Ли, чье влияние также нельзя было игнорировать.

Лишь он, Сяо Цзинъянь, обладал титулом наследника, но был одинок и слаб. В этом дворце, полном коварства, он был подобен одинокой лодке, готовой в любой момент пойти ко дну в бушующих волнах.

Давление, провокации и ложные обвинения не прекращались ни на день. Он шел по тонкому льду, каждый его шаг был полон опасности, и чаще всего ему приходилось просто терпеть. Этот Восточный дворец был скорее роскошной клеткой или холодным необитаемым островом, нежели покоями наследника.

— Ваше Высочество, — тихо, с беспокойством в голосе произнес старый евнух, дядя Чжун, входя в комнату. — Только что... Второй принц...

— Неважно, — прервал его Сяо Цзинъянь. Голос его звучал ровно, без тени эмоций. Он взял новый лист бумаги и расправил его, словно никакой провокации не было вовсе. — Становится холоднее. Прикажи истопить печи в покоях.

Дядя Чжун посмотрел на спокойный профиль принца. Его глаза, всегда такие мягкие, были опущены, скрывая истинные чувства. Старик вздохнул и, ответив «слушаюсь», молча удалился. Принц всегда был таким: прятал всё в себе, и чем тяжелее ему приходилось, тем более невозмутимым он старался казаться. Но разве можно укрыться от ядовитых стрел этого дворца, просто делая вид, что их не замечаешь?

В покоях снова воцарилась тишина, нарушаемая лишь мерным тиканьем водяных часов, отсчитывающих бесконечное время.

Сяо Цзинъянь снова поднял кисть, но долго не мог начать писать.

Он знал, что сегодняшняя выходка второго брата — лишь мелочь. Настоящие бури скрывались под гладью кажущегося спокойствия. Здесь каждое слово, каждый взгляд могли таить в себе скрытую угрозу.

Он должен выжить.

Не только ради себя, но и ради тех немногих, кто остался верен ему, и ради предсмертного взгляда матери, полного тревоги.

Но как выжить?

Путь впереди был окутан туманом, повсюду подстерегала опасность. У него в руках не было ни меча, ни щита — лишь бесполезные, на первый взгляд, добродетель и книги, да статус наследника, который он не мог сбросить.

Глубокое чувство бессилия охватило его. Он закрыл глаза, кончики пальцев слегка похолодели.

В этот момент с другой стороны дворцовой стены донеслись подавленные всхлипы и брань, нарушившие мертвую тишину Восточного дворца. Звук был негромким, но до того пронзительным, что в нем чувствовались боль от издевательств и полное отчаяние.

Сяо Цзинъянь нахмурился и посмотрел в сторону источника звука. Это была узкая тропинка возле хозяйственных построек, где редко кто ходил.

Кто это шумит?

Изначально он не хотел вмешиваться. В этом дворце главное правило — беречь себя, лишний взгляд мог обернуться бедой.

Но всхлипы продолжались, перемежаясь с мольбами о пощаде. Судя по голосу, это был совсем юный человек.

Ведомый каким-то предчувствием, Сяо Цзинъянь встал и медленно направился к выходу. Он не стал сразу выходить, а замер в тени галереи, глядя наружу.

Неподалеку толстый евнух избивал маленького слугу, стоявшего на коленях.

— Никчемный слепец! — ругался толстяк. — Столкнулся со мной, евнухом Цянь Лу, и еще смеешь уворачиваться? Смотри, я с тебя шкуру спущу!

Маленький евнух, худой и тщедушный, на вид лет четырнадцати-пятнадцати, в выцветшей старой одежде, прикрывал голову руками, свернувшись калачиком на земле. Он лишь тихо стонал и едва слышно просил о пощаде.

Проходившие мимо слуги низшего ранга опускали головы и ускоряли шаг, никто не осмеливался вмешаться. Все знали, что этот толстяк Цянь Лу — верный пес наложницы Чжоу, матери второго принца. Он славился своей злобой и, пользуясь покровительством госпожи, не боялся никого.

Взгляд Сяо Цзинъяня скользнул мимо истязателя и остановился на маленьком евнухе.

В тот момент, когда мальчик поднял голову, их взгляды встретились.

Это были удивительно ясные глаза, черные и глубокие. Сейчас они светились от боли и страха, но в них не было полной покорности. В самой глубине теплился упрямый огонек, и сквозило несвойственное возрасту хладнокровие.

Лишь на мгновение, а затем мальчик снова опустил голову, скрывая все чувства, оставив лишь смиренную дрожь.

Сердце Сяо Цзинъяня странно сжалось.

В этом холодном и жестоком дворце он видел слишком много остекленевших от равнодушия, льстивых или полных алчности глаз. Но редко доводилось видеть такие... даже в безвыходном положении в них теплилась искра достоинства.

Цянь Лу, устав бить, с силой пнул мальчика в последний раз и плюнул на землю:

— Несчастье! Катись отсюда, чтобы я тебя больше не видел! — С этими словами он поправил одежду и удалился.

Маленький евнух остался лежать на земле. Лишь спустя долгое время он с трудом начал подниматься. Движения давались ему тяжело, очевидно, травмы были серьезными.

Сяо Цзинъянь молча наблюдал.

Он заметил, как, пытаясь встать, мальчик случайно наткнулся рукой на опавшие сухие листья. Его пальцы едва заметно дрогнули, и он ловко спрятал один лист необычной формы в рукав. Движение было настолько быстрым, что могло показаться ошибкой зрения.

Это не было случайностью. Это был инстинкт того, кто, находясь в крайне уязвимом положении, пытается ухватиться хоть за что-то и спрятать свою тайну.

Взгляд Сяо Цзинъяня стал более пристальным.

В этот момент мальчик наконец встал, пошатнулся и инстинктивно огляделся по сторонам, пытаясь сориентироваться.

И вновь его взгляд наткнулся на Сяо Цзинъяня, скрытого в тени галереи.

Мальчик явно испугался, лицо его мгновенно побелело. Он выглядел так, будто увидел нечто крайне неожиданное и ужасное. Он тут же снова опустился на колени, прижавшись лбом к

холодной земле, худые плечи задрожали, он даже перестал дышать.

Казалось, он узнал Сяо Цзинъяня.

Глядя на его испуганную фигуру, вспоминая скрытый лист и эти ясные, полные терпения глаза, принца внезапно осенило.

Возможно...

Он медленно вышел из тени и предстал перед мальчиком.

Осеннее солнце было скупым, и его длинная стройная тень накрыла маленькую сжавшуюся фигурку.

— Ты, — начал Сяо Цзинъянь. Его голос был таким же мягким, как всегда, но в нем звучало не допускающее возражений спокойствие. — Как тебя зовут? В каком ведомстве служишь?

Мальчик задрожал еще сильнее, голос его звучал тише комариного писка:

— Отвечаю... Вашему Высочеству... у раба нет имени... все зовут меня Сяо Линьцзы... служу в отделе уборки...

Он замолчал, не смея произнести больше ни слова.

Сяо Линьцзы... отдел уборки...

Сяо Цзинъянь молча смотрел на него, его взгляд скользнул по рваному краю одежды и испачканным в пыли рукам.

В этом дворце меньше всего недоставало страданий и унижений. Он сам едва мог защитить себя, откуда у него силы жалеть других?

Но...

Смех второго брата все еще звучал в ушах.

Ругань Цянь Лу еще не затихла.

А в этих глазах... в них была та самая искра нежелания сдаваться.

Сяо Цзинъянь на мгновение замолчал, осенний ветер развеивал полы его белого одеяния.

Наконец, он негромко произнес:

— Подними голову.

Сяо Линьцзы застыл, а затем, колеблясь, крайне медленно поднял голову. На лице все еще были видны следы слез и грязи, а в глазах читались страх и огромное беспокойство, как у испуганного зверька.

Сяо Цзинъянь разглядел его лицо: миловидное, но бледное от недоедания.

— С сегодняшнего дня, — голос принца был негромким, но отчетливо прозвучал в ушах Сяо Линьцзы и ушей других слуг, наблюдавших издали, — ты больше не будешь служить в отделе уборки.

Сяо Линьцзы широко открыл глаза, с недоверием глядя на Сяо Цзинъяня. Его страх усилился, словно он услышал какой-то страшный приговор.

Сяо Цзинъянь проигнорировал его испуг и спокойно продолжил:

— Дядя Чжун.

Старый евнух, ожидавший неподалеку, тут же подошел:

— Я здесь, Ваше Высочество.

— Приведи его в порядок, — Сяо Цзинъянь снова посмотрел в сторону своего стола, тон его был безразличным, словно он решал пустяковое дело. — С этого дня пусть служит в Восточном дворце.

Сказав это, он перестал смотреть на ошоломленного от шока мальчика и, развернувшись, неспешно направился обратно в свои пустые и холодные покои.

Позади него воцарилась мертвая тишина.

Затем послышался полный сомнений ответ дяди Чжуна и едва сдерживаемые всхлипы маленького евнуха.

Осенний ветер пронесся по двору, закружив опавшие листья.

Сяо Цзинъянь вернулся в зал и снова сел за стол. Пятно от чернил на бумаге уже высохло, став темным и неясным.

Его пальцы машинально гладили холодную чернильницу.

Принять в Восточный дворец евнуха низкого ранга, который только что перешел дорогу доверенному слуге наложницы Чжоу — решение, мягко говоря, неразумное. Это могло привлечь лишнее внимание и навлечь новые неприятности.

Он не знал, почему так поступил.

Минутный порыв жалости? Или он увидел в этих глазах нечто похожее на самого себя? Ту самую борьбу, которая не позволяет смириться с судьбой даже в безвыходной ситуации?

Или... он просто хотел ухватиться хоть за что-то в этом одиноком, холодном мире?

Пусть даже это была соломинка — такая же хрупкая, но, возможно, имеющая иную суть.

Станет ли этот Сяо Линьцзы такой соломинкой?

Или же вызовет еще большую бурю?

Солнце снаружи скрылось за облаками, в покоях стало заметно темнее.

Сердце Сяо Цзинъяня тяжело опустилось.

Дворцовая жизнь была подобна безбрежному морю, а путь впереди — непредсказуем. К каким кругам на этой стоячей воде приведет его сегодняшний, казалось бы, случайный поступок?

Этого не знал никто.

<http://bllate.org/book/21784/2252686>